

Связь времен

Космонавт Павел Попович много раз возвращался на магнитогорскую землю, которую считал родной

ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ СССР, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, доктор технических наук Павел Попович побывал в космосе дважды: 12–15 августа 1962 года и 3–19 июля 1974-го. Стартовал на корабле «Восток-4» вслед за Андрияном Николаевым, он преодолел более двух миллионов километров и за 71 час совершил 48 оборотов вокруг Земли. Через двенадцать лет «Союз-14» доставил его на орбитальную станцию «Салют-3», где экипаж в течение семнадцати с лишним суток выполнял заданную программу. Судьбой Поповичу была уготована встреча с Магниткой. Учеба, занятия спортом, первые полеты на самолете – все это было здесь, на уральской земле. Воспоминаниями о том, чем он жил тогда и после, Павел Романович делится не скупясь. Мы встречались не единожды – в Москве и в Магнитогорске. Живой голос космонавта сохранился в аудиозаписях наших бесед.

ГОВОРЯТ, в юность вернуться невозможно. Но это, считал Павел Попович, не так. Много раз он возвращался на магнитогорскую землю и всегда радовался новым встречам.

Самые памятные годы

«В Звездном, – рассказывает в книге «Вылетаю утром» Павел Романович, – я узнал, что у каждого из моих новых друзей есть любимая река. У Юрия Гагарина, Валентина Терешковой, Андрияна Николаева это, конечно же, Волга, у Германа Титова – Урал. Во время совместного полета с Николаевым мы там, на орбите, вспоминали Волгу и Днепр».

После возвращения на землю Попович вновь свиделся с Днепром. В Каневе, где праздновалось 150-летие со дня рождения Тараса Шевченко, у памятника поэту собралось много людей. Тысячеголосый хор пел украинские песни, а космонавту вспоминались пушкинские строки: «Луна спокойно с высоты над Белой Церковью сияет». Это про его родину. В поселке Узин, что под Белой Церковью, он родился. Там прошло детство, в котором были и горячие дни деревенской страды, и чтение взахлеб, и любимая учительница Варвара Михайловна. И война. Она пришла в Узин летним вечером, когда на белоцерковском тракте появились немецкие солдаты в касках с автоматами на груди.

Занятия в школе возобновились после освобождения села. Павел учился, а в ночную смену, чтобы помочь семье, работал на сахарном заводе. В сорок шестом он пошел в седьмой класс. В том же году дружок уговорил его поехать в Белую Церковь, где было ремесленное училище. Поповича приняли сразу на второй курс. В 1947-м он получил специальность столбяр-краснодеревщика пятого разряда и одновременно окончил седьмой класс вечерней школы. Очень хотелось продолжить учебу, и, узнав, что в Магнитогорске есть хороший техникум трудовых резервов, друзья подальше на Урал.

Первыми, с кем Поповичу довелось познакомиться, были Грязновы, и добрую память о семье знаменитого магнитогорского сталевара Павла Романовича сохранил на всю жизнь. Не забыл он и мастера Емельяна Лепихина, у которого проходил практику, и Таисию Мухачеву, тогдашнего руководителя хора техникума трудовых резервов. В 1995-м он приехал специально на ее юбилей, и во Дворце культуры металлургов им. С. Орджоникидзе, где Таисию Федоровну поздравляли с 80-летием, вспоминал, как любил они в юности свой хор и каким удовольствием были для них репетиции. На вечере они снова пели – Павел Романович и Таисия Федоровна, ее сын Владимир Хабаров (до отъезда в Москву он преподавал в Магнитогорском музыкальном училище), хоровой дирижер Александр Никитин и его ансамбль «Металлург». Все вместе они стояли на сцене, и зал аплодировал им еще и еще...

Тогда же Попович побывал в аэроклубе. Воспоминания, снимки на память, взаимные подарки, вопросы... Перед отъездом Павел Романович не забыл навестить своего первого летчика-инструктора Матюшина. Это он, Николай Константинович, сказал когда-то своему выпускнику: «Не отрывайся от неба. Небо – твоя стихия». И слова те Поповичу запомнились навсегда.

В отряд космонавтов он прибыл раньше других. Его назначили командиром, и на правах старожилки Павел Романович устроил семье приезжающих, хлопота по благоустройству городка, оборудовал вместе со всеми учебные классы и спортивные площадки. В дни, когда Юрий Гагарин, а затем Герман Титов находились на орбите, он был их связным. А в августе 1962-го стартовал сам. Потом был еще один космический полет. В июле 1974-го на корабле «Союз-14» Павел Попович отправился на орбитальную станцию «Салют-3» и проработал там вместе с Юрием Артюхиным больше двух недель.

В апреле 1999-го мой телефонный звонок застал его дома. Через час Павел Романович собрался выезжать в Киев на международный турнир по боксу, куда его пригласили как почетного члена федерации по этому виду спорта. Я поздравила его с наступающим Днем космонавтики и спросила про предстоящее празднование. «Рано утром, 12 апреля, – сказал он, – я буду в Калуге, где государственный музей Циолковского проводит торжество. Кто будет еще, пока не знаю. Но из космонавтов первого отряда, по-видимому, я один».

На прощание Павел Романович передал магнитогорцам поздравления с праздником. Пожелал успехов, космического здоровья. А еще просил передать привет всем, с кем связала его судьба. Ведь, как бы ни

складывалась жизнь, годы юности останутся самыми памятными и дорогими.

Отдушиной была авиация

Было время, вспоминал космонавт, когда мы шли впереди планеты всей.

В 1995 году Павел Романович побывал в Магнитогорске по частному приглашению. Свое 80-летие отмечала Таисия Мухачева, которая даже представить себе не могла, что юбилей пройдет без бывшего запевалы и старосты ее хора. А утро того дня Попович посвятил аэроклубу. В Доме обороны собрались те, о ком космонавт писал в своей книге «Вылетаю утром». Поднимая бокалы с шампанским, летчики говорили об авиации, спорте, расспрашивали гостя о его полетах. Космонавт был доброжелателен и прост в общении. Говорил, что не любит «официальщины» и хочет, чтобы все было по-семейному.

– По какому пути пошла сегодня космонавтика? – живо откликнулся Павел Романович на первый вопрос. – Вы знаете, мы заключили долгосрочное соглашение с американцами о строительстве орбитальной станции «Альфа». Они умники. Прекрасно понимают, что у них нет опыта ни в строительстве станций, ни в длительных космических полетах (их рекорд – три месяца). А у нас опыт колоссальный. И полеты наши ребята переносят отлично. В деле подготовки космонавтов мы на порядок выше американцев. Поначалу они вели себя чуть пренебрежительно, а когда полетели с Крикалевым, их отношение сразу изменилось. Как только начались неполадки и они начали вопить на землю, Крикалев сказал: «Ребята, сейчас я вам все сделаю». И сделал. Теперь американцы нас любят и уважают.

У нас и принцип подготовки другой, и техника отличается. Я вам скажу, почему она у нас надежнее. Мы делаем тройное, а то и пятикратное дублирование. Особенно в системе стыковки. В этом плане у нас не очень-то любят доверять людям. Проблема «человек-машина», «человек-техника» – одна из тех, что практически не решается. Склоняются обычно в пользу машины, хотя мы давно доказали, что человек – самое надежное звено в системе.

Мы можем делать чудеса. Мне за тридцать четыре года в космонавтике пришлось увидеть многое. Сделал, к примеру, один мужик станок для монтажа-демонтажа автомобильных колес. Здорово придумал! Станочек маленький, металлоемкий, лучше, чем шведский или норвежский работает: вжик-вжик-вжик – и готово. И что же? А то: никто нигде его не берет. Спрашиваю директора завода: «Почему?» Отвечает: «Да ну! Перестраивать все надо, линия-то давно запущена». Так парень и заглох. А ведь умных поддерживать надо! Пробуешь-пробуешь где-то что-то пробить, но пока не получится.

Одна отдушина – авиация. Было время, мы шли впереди планеты всей не только по самолетам, но и по кораблям. Четвертое поколение наших атомных подводных лодок признавалось лучшим в мире. Подлодки и сейчас вне конкуренции, как и отечественные самолеты – не только боевые, но и спортивные. Вы это знаете лучше меня. Даже американские астронавты закулачат наши спортивные самолеты. Можем ведь, когда захотим! Да что там! Итальянцы каждый год берут первые места на наших «уазиках». У нас и машины очень хорошие, если сделаны с умом.

На самых современных самолетах я не успел полетать, потому что, когда Гагарин разбился, нам, первым космонавтам, вообще запретили летать. Те, кто помоложе, летали (они как летчики-испытатели работали), а нам не давали.

В Центре подготовки космонавтов я дослужился до заместителя по научной и испытательной работе. Из первого отряда космонавтов не уходил в отставку дольше всех. А в 1988 году очень осложнились мои семейные дела, и как раз в это время министр обороны по просьбе Горбачева и председателя Госагропрома Мураховского предложил мне место директора института мониторинга земель и экосистем.

– Павел Романович, гибель первого космонавта Земли волнует людей по сию пору. Есть версии самые неправдоподобные, вроде той, что Юрий Алексеевич жив. Что вы на это скажете?

– Гагарин разбился вместе с Серегиним, тут куда не денешься. Мы сами собирали его по кусочкам, сами хоронили. Никто так и не понял, что произошло. Это был контрольный полет на МиГ-17 перед самостоятельным вылетом Гагарина (вы знаете, что после отпуска полагается полетать с инструктором). После выполнения пилотажных фигур Юра доложил: «Полет в зоне закончен. Разрешите выход на точку». Руководитель полетов ответил: «Разрешаю». С того момента, как Гагарин сказал: «Вас понял», до удара о землю прошло шестнадцать секунд. Хотите, я вам скажу свою версию? Мы провели расследование. Работали две комиссии. Первая сделала вывод: «Виноват экипаж». В авиации часто бывает так, что винят погибших. Мы не согласились с таким решением и потребовали создания второй комиссии. От космонавта в нее вошли я и Быковский. На первом же заседании я поднялся и сказал: «Разрешите, товарищ председатель, выразить свое личное мнение? Неофициальное. Что-то было сделано для того, чтобы ребята потеряли сознание».

На следующий день меня вызвали на Лубянку, на девятый этаж. Спросили: «Чем вы можете доказать сказанное? А какие доказательства? Только интуиция, логика. «Раз нет доказательств, – объяснили мне, – держите свое мнение при себе». – «Слушаюсь!» Что я мог сделать? Кому-то надо было убраться Гагарина – слишком он стал популярным. Думаю, лет через сто мы все узнаем. Не мы, наши потомки. Точно так же, как мы сейчас узнаем многое из прошлого.

– С совершенствованием космической техники требования к отбору космонавтов изменились?

– Проблемы только медицинские. Набирают военных и гражданских летчиков, но очень тяжело это делать. Народ пошел хилый, не выдерживает. Крутанье такого раз-другой на кресле, и он падает. Да и люди пошли другие. Спрашиваю: «А что я с этого буду иметь?»

– В последние годы об НАО не говорит только ленивый. А вам приходилось видеть что-либо подобное?

– До 1994 года я был президентом, представлял себе, Международной уфологической организации. Но НАО лично сам один раз наблюдал. В 1978 Вашингтона в Москву. Высота была десять с половиной тысяч метров. Смотрю в иллюминатор, вдруг вижу слева предмет – белый-белый, ярко-белый равнобедренный треугольник. Мы не могли определить, что это такое. Несмотря на то что самолет летел со скоростью 950 километров в час, он нас обогнал и ушел вперед.

Я вам скажу такую вещь. Если взять за сто процентов то, что пишут и говорят об НАО, то девяносто пять процентов надо отбросить сразу, а остальное рассматривать серьезно. Если вы мне в лоб зададите вопрос: «Есть или нет?», я вам скажу: «Есть!» Или это вселенский разум, или мировой центр, или Бог, но что-то есть.

У меня был такой момент: я проводил эксперимент в космосе. Ушел впускаемый аппарат, закрыл все люки (а спускаемый аппарат выключен, ничего там нет, только батареи на подогрев работают). И вот, знаете, наступила гробовая тишина. Я смотрю в иллюминатор, и как-то мне не по себе. Я не могу понять, почему. Все перед тобой плывет, и я чувствую, что звезды – вот они, хоть и далеко-далеко, и Луна – вот она, висит. Такая бескрайность... Думаю: боже мой, ведь все было когда-то кем-то создано, запущено! По небесным законам, по небесной механике все крутится, все летит. И мы, вся наша солнечная система, летим с громадной скоростью. Куда? В какую-то черную дыру? Куда-то что-то нас тянет, но, наверное, куда не притянет. Этот макромир очень чувствуется. Что-то есть, но назвать никак не могу. Хотя верю: есть что-то!

«Я горжусь, что учился в Магнитке»

Здесь будущий космонавт приобрел специальность техника-строителя и совершил первый самостоятельный полет на аэродроме аэроклуба.

Звонок в Москву оказался удачным. Павла Романовича удалось застать в кабинете, и он охотно включился в разговор. Накануне 60-летия государственной системы профессионально-технического образования мне хотелось порасспросить его о годах учебы на Урале, о том, что запомнилось ему из той поры более всего. «Самым большим событием, – не задумываясь, ответил космонавт, – было то, что я попал в Магнитку».

Он приехал сюда в 1947 году и, проучившись четыре года в техникуме трудовых резервов, приобрел квалификацию «техник-строитель, мастер производственного обучения». Его дипломной работой стал проект общежития с комнатами не на 25 человек, как на Шитовых, где он жил, а на два-три. Самое интересное, что вскоре после этого два дома перестроили, и Поповичу, задержавшемуся в Магнитке, посчастливилось поселиться именно в такой комнате.

Вспоминал Павел Романович и своего классного руководителя Мячину. Добрая и человечная, Ирина Александровна опекала ребят как мать. Через восемь лет после окончания техникума она собрала выпускников в классе, сделала перекичку по журналу, а потом каждому дала слово, что рассказали ее ученики, как жили все эти годы и кем стали.

Здесь, в Магнитке, будущий космонавт пристроился к спорту, превратившись к концу учебы из хилого, по его словам, мальчишки в крепкого парня. Бег, лыжи, штанга, а на четвертом курсе и самолетный спорт – всем этим он занимался увлеченно, сумев выполнить по многим видам нормы первого спортивного разряда.

Называя имена дорогих ему людей – летчика-инструктора Николая Константиновича Матюшина, руководителя техникумовского хора Таисию Федоровну Мухачеву, Павел Романович сказал, что, часто видясь с ними, поддерживает ее связь и со своим бывшим одноклассником Сергеем Красильниковым. Они одногодки, причем оба родились в октябре.

Накануне нашего разговора, 5 октября 2000 года, действительному члену Академии космонавтики имени Циолковского и Международной академии информатизации П. Р. Поповичу исполнилось семьдесят лет. «Я горжусь, – говорит он, – что в свое время окончил Белоцерковское ремесленное училище и Магнитогорский техникум трудовых резервов, которые дали мне путевку в жизнь и в космос». Первая профессия не забыта. Дома у Павла Романовича имеется полный набор инструментов: фуганок, рубанок, коловорот, пила, ножовка, долото. Если что-то надо в хозяйстве починить, он все делает своими руками.

Среди космонавтов было два воспитанника трудовых резервов – Юрий Гагарин и Павел Попович. О том, что дала им эта школа, знает весь мир.

«Встретимся на орбите»

Каждый год в начале апреля я набирала знакомый номер и слышала голос Павла Поповича. Как-то попросила его вспомнить первый полет человека в космос.

– До того памятного дня, – рассказал Павел Романович, – мы уже присутствовали при запуске космических кораблей. Видели, как в марте 1961 года уносились в космос собаки Чернушка и Звездочка, а еще раньше – Альбина, Дамка, Белая, Отважная. Но то были животные, а 12 апреля трехсоткилометровый высотный барьер впервые преодолел человек – мой соотечественник, друг и коллега.

В день пуска я вместе с Сергеем Королевым находилась в бункере. Меня назначили связным Гагарина. Пускающими (так называли тех, кто строил по секундомеру передавал команды) были Кирилов и Воскресенский. Я спросил: «Ну, как дела, Юра? У нас все нормально, идет подготовка. Ребята сейчас едут на «Зарю» (командный пункт). Он ответил: «Вас понял. У меня тоже все хорошо. Привет ребятам. Все время чувствую их дружескую поддержку».

Потом Королев сказал, что переговорную точку перенесли в бункер и все уходит туда. Объявили пятнадцатиминутную готовность... Десятиминутную... Пятиминутную... Минутную... «Ключ на старт! –скомандовал главный конструктор. – Дается продуква!» Наконец, отошла кабель-мачта. Дали зажигание. «Предварительная ступень... Промежуточная... Главная... – продолжал связь Сергей Павлович. – Подъем!» Корабль пошел вверх. «Поехали!» – услышали мы голос Юрия. Это было потрясающе!»

А вскоре настал черед и самого Павла Романовича. На этот раз напутствие ему и Андрияну Николаеву давали Юрий Гагарин и Герман Титов. Очередной номер «Нептуна», благословляющего космонавтов на «высоту, скорость и сближение» выпустил бессменный редактор стенгазеты Алексей Леонов.

Андриян стартовал первым. Прощаясь, изрек свое любимое: «Главное, Паша, спокойствие». Попович ответил: «Встретимся на орбите». Он вылетел на следующий день. Его связным был Юрий Гагарин

МАРИНА КИРСАНОВА
ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

Добрую память о семье знаменитого сталевара Алексея Грязнова космонавт сохранил на всю жизнь